

Ихъ проглатывали въ винѣ, поѣдали съ соусомъ, хлѣбъ былъ осыпанъ ими, и летучія неизмѣримыя тучи этихъ насѣкомыхъ непрерывно щекотали лицо и руки.

Приходилось безпрестанно выливать вино, закрывать тарелки, ѣсть съ безконечными предосторожностями.

Это забавляло Иветту. Сервиньи старался защитить отъ мошекъ тѣ кушанья, которыя она подносила ко рту, закрывала ея стаканъ, разстилалъ надъ ея головой салфетку, точно балдахинъ. Но маркиза пришла въ нервное состояніе и поспѣшила окончить обѣдъ.

Иветта, не забывшая предложенія Сервиньи, сказала:

— Мы идемъ теперь на островъ?

Мать вялымъ голосомъ просила:

— Пожалуйста возвращайтесь скорѣй. Мы васъ проводимъ до парома.

Отправились парами. Молодая дѣвушка и ея пріятель шли впереди и слышали сзади себя, какъ маркиза и Саваль разговаривали тихо, тихо, затѣмъ останавливались на минуту и потомъ опять шли дальше. Кругомъ царствовалъ мракъ; ночь была безпросвѣтная, черная, какъ чернила. Но на небѣ сверкала огненная пыль и какъ будто проливалась въ воду, потому что въ темной рѣкѣ тоже зажигались яркія точки.

Лягушки квакали и ихъ монотонное и раскатистое пѣніе раздавалось вдоль всего берега.

Безчисленные соловьи тоже распѣвали въ тихомъ воздухѣ.

Вдругъ Иветта спросила:

— Что это? ихъ не слышно больше за нами. Гдѣ они?

И позвала:

— Мамаша!

Никто не отвѣтилъ. Молодая дѣвушка продолжала:

— Они не могутъ быть далеко. Я только-что слышала ихъ шаги.

Сервиньи пробормоталъ:

— Они, вѣроятно, вернулись домой. Должно быть, ваша мамаша озябла.

И повелъ ее дальше.

Впереди видѣлся свѣтъ. То была харчевня Мартине, ресторатора и рыбака. На зовъ гуляющихъ, человекъ вышелъ изъ дому и они сѣли въ большую лодку, привязанную къ берегу.

Перевозчикъ взялъ весла, и тяжелая лодка, двигаясь, будила звѣзды, заснувшія въ водѣ, и заставляла ихъ прыгать нѣкоторое время и затѣмъ мало-по-малу успокаиваться.